

М. Н. Кулаковский

УДК 81

<https://orcid.org/0000-0001-8826-0883>

Уточняющие функции вставных конструкций в художественном тексте

Для цитирования: Кулаковский М. Н. Уточняющие функции вставных конструкций в художественном тексте // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 80-85. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-80-85

В статье рассматриваются особенности использования вставных конструкций, имеющих характер уточнения, в структуре художественного текста. Материалом исследования послужили произведения русской художественной прозы первой половины XX века (романы и рассказы М. Агеева, М. А. Алданова, А. Белого, И. А. Бунина, Е. И. Замятина, И. А. Ильфа и Е. П. Петрова, В. В. Набокова, М. А. Осоргина, Б. А. Пильняка, М. И. Цветаевой) и тексты современной русской литературы последних десятилетий (произведения Е. Г. Водолазкина, Б. Кенжеева, А. А. Матвеевой, И. Ф. Сахновского, Т. Соломатиной, Л. Е. Улицкой). В работе анализируются основные направления изучения вставных конструкций (в аспекте гендерной лингвистики, с точки зрения нарушения линейности речи, связи вставных конструкций с основным содержанием высказывания, в аспекте организации хронотопа, особенности употребления в конкретных жанрах и художественных направлениях). Определяются наиболее характерные функции вставок в плане передачи уточняющей информации, их связь с различными текстовыми уровнями, роль в общей структуре художественного текста. Отмечается, что подобные вставки конкретизируют определенное понятие, представленное в рамках основного контекста, с помощью указания на его разновидность или путем актуализации наиболее важной части целого. В зависимости от способа уточнения выделяются основные функциональные типы данных вставных конструкций: вставки, оформляющие прямое уточнение, уточнение путем перечисления составных элементов, уточнение путем приведения примера, уточнение путем исключения, уточнение путем информативного расширения, уточнение-акцентирование путем повтора.

Ключевые слова: вставные конструкции, художественный текст, функциональные типы вставных конструкций, временной план, взаимодействие речевых планов, уточняющая информация, детализация, информативное расширение, повтор, комический эффект.

M. N. Kulakovsky

Clarifying functions of parenthetical constructions in literary text

The article focuses on the use of parenthetical constructions with a clarifying function in the literary text structure. The study is based on works of the Russian literary prose of the first half of the 20th century (novels and stories by M. Ageev, M. A. Aldanov, A. Bely, I. A. Bunin, E. I. Zamyatin, I. A. Ilf and E. P. Petrov, V. V. Nabokov, M. A. Osorgin, B. A. Pilnyak, M. I. Tsvetaeva) and texts of the contemporary Russian literature of the recent decades (works of E. G. Vodolazkin, B. Kenzheyev, A. A. Matveeva, I. F. Sakhnovsky, T. Solomatina, L. E. Ulitskaya). The article analyzes the basic trends of studying parenthetical constructions (in terms of gender linguistics, delinearisation of speech, link of parenthetical constructions to the main content of the utterance, chronotopos organization, peculiarities of their use in texts representing certain genres and literary movements). The article points out the most typical functions of parenthetical constructions with regard to clarifying information, addresses the question of their correlation with different text levels, and defines their role in the general structure of a literary text. It is noted that such constructions specify the concept presented in the scope of the main context by referring to its form or kind or emphasizing its most important notional component. The following functional types of parenthetical constructions can be distinguished in terms of way of clarification: constructions expressing direct explication, explication via component enumeration, explication by exemplification, explication via component exclusion, explication via informative extension, explication-accentuation via component repetition.

Keywords: parenthetical constructions, literary text, functional types of parenthetical constructions, time plan, interaction of speech plans, clarifying information, detailization, informative extension, repetition, comic effect.

Вставные конструкции как яркий элемент экспрессивного синтаксиса в последнее время стали объектом пристального внимания многих исследователей. При этом рассмотрение их идет в раз-

личных аспектах: в аспекте гендерной лингвистики [Кучмезова, 2011], с точки зрения нарушения линейности речи [Гаврилова, 2016], связи вставных конструкций с основным содержанием вы-

сказывания [Балягина, 2015], в аспекте организации хронотопа [Янковская, 2009]. Рассматриваются они и как показатель расчленения текста [Марьина, 2009].

Анализируются особенности употребления вставок в конкретных жанрах [Марьина, 2017], текстах различных художественных направлений. Так, О. В. Марьина отмечает, что «в постмодернистских художественных текстах выявлены те же самые функции вставных конструкций, что и в прозаических текстах реалистической направленности» [Марьина, 2015, с. 255].

Рассматривается роль вставок и в поэтическом тексте [Афанасьева, 2016]. Отмечаются новые тенденции употребления вставных конструкций, например создание общего коммуникативного пространства, «в котором повествование приобретает черты диалога рассказчика с самим собой или с читателем» [Элатик, 2017, с. 182].

Одной из характерных функций вставных конструкций в художественном тексте является уточнение информации основного предложения. Так, Ю. О. Кальниченко, анализируя особенности использования В. В. Набоковым вставных конструкций в «Других берегах», отмечает, что «функция уточнения позволяет В. В. Набокову комментировать поступки героя, дать описание его внешнего вида, а также обрисовать место происходящих событий и пр.» [Кальниченко, 2014, с. 71].

Подобные вставки конкретизируют определенное понятие, представленное в рамках основного контекста, с помощью указания на его разновидность или путем актуализации наиболее важной части целого. В зависимости от способа уточнения выделяются следующие функциональные типы вставных конструкций.

Вставная конструкция может содержать **прямое уточнение** информации.

Городу же (городу Ордынину) – июль, и селам и весям – весь год (Б. Пильняк. Голый год) [Пильняк, 1988].

Информативная конкретизация основного контекста может быть подчеркнута с помощью вводного слова.

Около 16 (точнее, без десяти 16) я был дома (Е. Замятин. Мы) [Замятин, 1990].

Уточнение может происходить и через сопоставление информации, представленной в различных системах отсчета.

А в девять (половина седьмого по солнцу) Иван Спиридонович ... пошел в больницу... (Б. Пильняк. Голый год) [Пильняк, 1988].

При этом конкретизироваться может представленная в предтексте и уже знакомая читателю ситуация или связанное с ней определенное понятие.

... Она [Магда] как бы вернулась в ту темноту (темноту маленького кинематографа)... (В. Набоков. Камера обскура) [Набоков, 1990].

Там, на углу Большого и Зверинской, я теперь снова живу. Оказывается, по настоянию врачей (читай – Гейгера) городские власти выкупили бывшую мою коммуналку, сделали в ней ремонт и поместили там меня (Е. Водолазкин. Авиатор) [Водолазкин, 2016].

Подобное уточнение достаточно часто связано с переключением временного плана, когда автор отсылает читателя к уже известной ситуации.

К его ужасу, оказалось, что напечатанные на карте цены (те самые, которые ему называли) зачеркнуты... (М. Алданов. Ключ) [Алданов, 1990].

В некоторых случаях, конкретизируя ситуацию или определенного персонажа, повествователь намеренно не называет их, заставляя читателя самостоятельно вспомнить предтекст.

– Между тем: до...до...до... до «того» (того самого)... (А. Белый. Крещеный китаец) [Белый, 1990].

Вставные конструкции могут конкретизировать произносимую или внутреннюю речь персонажа. Подобные вставки характеризуются функциональной синкретичностью, поскольку в них наблюдается взаимодействие различных речевых планов (например, могут появиться элементы несобственно-прямой речи).

Шляпы Вася не носил, как из соображений гигиенических (надо, чтобы волосы дышали свободно!), так и потому, что шляпа его совершенно просалилась... (М. Осоргин. Сивцев Вражек) [Осоргин, 1989].

Дает по газам. Выдавшая виды древняя красная «восьмёрка» (она же «зубило») – шик комсомольской номенклатуры времён «ЧП районного масштаба» (Т. Соломатина. Одесский фокстрот) [Соломатина, 2013].

Конкретизация может кардинально изменять информацию основного предложения (чаще всего это касается речевого оформления передаваемой информации).

Рассказывают, что его (или, вернее, ее) происхождение связано с вопросом о вивисекции (В. Набоков. Камера обскура) [Набоков, 1990].

Такое уточнение может мотивироваться контрастом между формальным названием предмета

и его реальными характеристиками (например, размером).

... *Большой (вернее, очень маленький) палец зажат внутрь...* (Е. Замятин. Мы) [Замятин, 1990].

В синкретичных типах вставных конструкций (совмещающих значение уточнения и оценочности) наблюдается взаимодействие различных планов восприятия.

Вторая [жена], так страдавшая от первой (тени первой!)... (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена) [Цветаева, 1989].

Мачо (то есть особь с такой репутацией) – это накачанный мужчина внушительной комплекции и с внушительными неоперабельными комплексами (И. Сахновский. Мужчина в цифровом увеличении) [Сахновский, 2016].

Уточнение в рамках вставных конструкций может быть организовано как **перечисление составных компонентов** определенного понятия.

Круг наших сослуживцев и знакомых (врачей, адвокатов, земцев) был подобен харьковскому кругу брата... (И. Бунин. Жизнь Арсеньева) [Бунин, 1988].

Устраивая очередную мысленную выставку – «Женичины в зеркале» (Веласкес, Тициан, Рубенс, Серебрякова, Пикассо), сама едва не просверлила взглядом дырку в мамином трюмо (А. Матвеева. Завидное чувство Веры Стениной) [Матвеева, 2015].

Появление подобного уточнения во вставке обычно мотивируется обобщающим характером, абстрактностью или неопределенностью значения одного из понятий основного контекста.

...*В книгу стремясь, забегают знакомые наши – все, все (Берендеевы, Береневы, Бурневы, Бернилины, Бернички, Берповы, Бершии, Берсеевы – многие сотни их!)*... (А. Белый. Крещеный китаец) [Белый, 1990].

При этом конкретизирующий ряд может характеризоваться открытостью (в силу информативной незначимости или в том случае, когда повествователь предлагает продолжить информативный ряд самому читателю).

...*Пока действует кокаин – человек испытывает высоко человеческие, благородные чувства (истерическую сердечность, ненормальную доброту и проч.)*... (М. Агеев. Роман с кокаином) [Агеев, 1990].

Составные элементы целого могут формировать самостоятельные, цельные художественные образы. Подобное уточнение обычно содержит

детализацию различных аспектов зрительного образа.

Сиял широкий зеркальный шкаф, явившийся со свим личным отражением (а именно: уголок супружеской спальни, – полоса солнца на полу, оброненная перчатка и открытая в глубине дверь) (В. Набоков. Приглашение на казнь) [Набоков, 1990].

В других случаях подобная детализация позволяет автору создать комический эффект.

В номере, обставленном с деловой роскошью (две кровати и ночной столик), послышались конский храп и ржание: Ипполит Матвеевич весело умывался и прочищал нос (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев) [Ильф, Петров, 1992].

Характерным для вставных конструкций является **уточнение с помощью приведения примера**. Такие вставки конкретизируют информацию основного предложения путем указания на одну из частных разновидностей, одну из форм проявления целого.

Зато стихи (например, томик Рильке, который она купила по совету приказчика) приводили его [Лужина] в состоянии тяжелого недоумения и печали (В. Набоков. Защита Лужина) [Набоков, 1990].

Есть ли он переходная ступень для чего-нибудь другого (например, к сверхчеловеку Ницше), или он занимает место на каком-нибудь конце разветвлений, что обуславливает более молодой возраст его как органического вида (Л. Улицкая. Лестница Якова) [Улицкая, 2015].

Менее характерным является указание на одно из потенциально возможных действий персонажа.

Магда в то утро вместе с Эмилией была в деревне по хозяйственным делам (надо было, например, хорошенько выругать прачку за розовые подтеки на белом джемпере) (В. Набоков. Камера обскура) [Набоков, 1990].

Следующую группу формируют вставные конструкции, передающие **уточнение путем исключения**. Подобные вставки конкретизируют информацию основного предложения через исключение части из целого, то есть сужение круга рассматриваемых предметов или явлений.

...*Они всюду побывали (кроме комнаты Горна)*... (В. Набоков. Камера обскура) [Набоков, 1990].

Опять же, друг с другом мы почти не общаемся, и мало кого из моих товарищей (кроме, разумеется, пожилого аэронавта Мецгерского) волнуют судьбы нашего многократно поруганно-

го и оболганного отечества (Б. Кенжеев. Обрезание пасынков) [Кенжеев, 2010].

Исключаться могут и несколько компонентов целого.

Почему-то (однако не из-за визитов и знаков участия) он [Нещеретов] не желал осведомлять людей о своем нездоровье... (М. Алданов. Ключ) [Алданов, 1990].

Такое ограничение не только уточняет информацию, но и активизирует внимание читателя, предлагая возможное объяснение или альтернативный вариант развития событий.

В некоторых случаях, когда точный признак уже назван в основном контексте, исключение актуализирует определенную (значимую в структуре текста) деталь.

...Его [патина] голова ... доверчиво нам удивлялась совсем голубыми глазами (не карими)... (А. Белый. Крещеный китаец) [Белый, 1990].

Вставные конструкции могут **уточнять** определенный компонент высказывания **через расширение**, указание на более широкую сферу распространения явления.

Смерть, увы, была как-то соединена с ним [с богом] (и с лампадкой, с черными иконами в серебряных и вызолоченных ризах в спальне матери) (И. Бунин. Жизнь Арсеньева) [Бунин, 1988].

При этом во вставке может одновременно наблюдаться и прямое уточнение информации, и ее расширение.

...Я, ... так стыдившаяся своей некрасоты перед ее (и Серезжиной – и всякой) красотой... (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена) [Цветаева, 1989].

Информативное расширение может тесно взаимодействовать с модальностью (в частности, сопровождаться указанием на определенную степень уверенности повествователя в реальности сообщаемых фактов).

Все цветы – ей, все бумажные, с песком (а может, и свинцом) горошины – матери (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена) [Цветаева, 1989].

В некоторых случаях расширение информации мотивируется изменением плана восприятия (двойственностью восприятия ситуации).

Петр Орешин, поэт, про них [большевиков] (про нас!) сказал: «Или – воля голытьбе, или – в поле на столбе!» (Б. Пильняк. Голый год) [Пильняк, 1988].

Характерным является информативное расширение за счет взаимодействия различных времен-

ных планов. Например, временной план прошлого может сопрягаться с планом настоящего.

... У нее [Лику] могли быть (и есть) тайные ... чувства и мысли... (И. Бунин. Жизнь Арсеньева) [Бунин, 1988].

Временной план настоящего традиционно взаимодействует с планом прошлого и реального (или моделируемого) будущего.

Он ... пересёк улицу Безопасности (бывшую 8 Марта, бывшую Троцкого, бывшую Метельную) и углубился в безлюдные дворы (И. Сахновский. Свобода по умолчанию) [Сахновский, 2016].

В среде подобных людей я и провел мою первую харьковскую зиму (да и многие годы впоследствии) (И. Бунин. Жизнь Арсеньева) [Бунин, 1988].

В рамках художественного текста может быть представлено и **уточнение-акцентирование путем повтора**. Повтор не только формально уточняет информацию, акцентируя внимание читателя на определенной детали или оценке, но и, актуализируя иной повествовательный план, создает внутреннюю диалогичность текста. При этом основная информативная нагрузка приходится именно на вставку.

Она весело (да: весело) кивнула мне... (Е. Замятин. Мы) [Замятин, 1990].

Имею, кажется, и принципы, и миросозерцание, и понятие о воле, и понятие о половой нравственности, а стоило мне увидеть несколько большее декольте у прачки, как моментально чувствую прилив крови к сердцу (именно к сердцу), ничего не могу сообразить, и меня невольно влечет ближе к ней... (Л. Улицкая. Лестница Якова) [Улицкая, 2015].

Таким образом, проведенный нами анализ позволил выявить следующие основные функциональные типы вставных конструкций, имеющих характер уточнения: прямое уточнение, уточнение путем перечисления составных элементов, уточнение путем приведения примера, уточнение путем исключения, уточнение путем информативного расширения, уточнение-акцентирование путем повтора.

Библиографический список

1. Агеев М. Роман с кокаином // Роман с кокаином; Паршивый народ. Москва : Художественная литература, 1990. С. 3-186.
2. Алданов М. А. Ключ // Ключ; Астролог. Москва : Художественная литература, 1990. С. 16-316.
3. Афанасьева Е. А. Структура и функции вставных конструкций в поэзии Н. М. Карамзина // Вест-

ник Оренбургского государственного университета. 2016. № 11. С. 3-12.

4. Балягина И. Я. О связи вставных конструкций с основным высказыванием (на материале романов И. С. Тургенева 1850-х гг.) // Самарский научный вестник. 2015. № 1 (10). С. 34-38.

5. Белый А. Крещеный китаец // Серебряный голубь. Москва : Современник, 1990. С. 461-604.

6. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Москва : Правда, 1988. С. 265-536.

7. Водолазкин Е. Г. Авиатор. Москва : Редакция Елены Шубиной, 2016. 416 с.

8. Гаврилова Е. И. Вставка и линейность речи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1. С. 104-109.

9. Замятин Е. И. Мы // Избранные произведения. Москва : Советская Россия, 1990. С. 15-154.

10. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев // Двенадцать стульев; Золотой теленок: Романы. Москва : Художественная литература, 1992. С. 4-304.

11. Кальниченко Ю. О. Своеобразие функционирования многокомпонентных сложных высказываний с вставными конструкциями в повести В. В. Набокова «Другие берега» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-2 (36). С. 69-72.

12. Кенжеев Б. Обрезание пасынков. Москва : АСТ, 2010. 381 с.

13. Кучмезова Л. О. Вставные конструкции в аспекте гендерной лингвистики // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. № 2. Том. 17. С. 175-179.

14. Марьина О. В. Вставные конструкции как показатель расчленения текста (на материале русских прозаических текстов 1980-2000-х годов) // Филология и человек. 2009. № 4. С. 61-67.

15. Марьина О. В. Вставные конструкции как структурный компонент жанра мениппеи в тексте Л. Петрушевской «Три путешествия, или возможность Мениппеи» // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2017. № 3. Том 2. С. 114-116.

16. Марьина О. В. Многофункциональность вставных конструкций в русских художественных текстах рубежа XX-XXI веков // Филолого-коммуникативные исследования. 2015. № 2. С. 247-255.

17. Матвеева А. А. Завидное чувство Веры Степиной. Москва : АСТ, 2015. 544 с.

18. Набоков В. В. Защита Лужина // Романы. Москва : Современник, 1990. С. 103-256.

19. Набоков В. В. Камера обскура // Романы. Москва : Современник, 1990. С. 257-392.

20. Набоков В. В. Приглашение на казнь // Романы. Москва : Современник, 1990. С. 393-524.

21. Осоргин М. А. Сивцев Вражек // Времена. Москва : Современник, 1989. С. 341-617.

22. Пильняк Б. А. Голый год // Целая жизнь. Минск, 1988. С. 29-169.

23. Сахновский И. Ф. Мужчина в цифровом увеличении // Нелегальный рассказ о любви. Москва : Астрель, 2009. С. 331-333.

24. Сахновский И. Ф. Свобода по умолчанию. Москва : Редакция Елены Шубиной, 2016. 352 с.

25. Соломатина Т. Одесский фокстрот, или Черный кот с вертикальным взлетом. Москва : АСТ, 2013. 317 с.

26. Улицкая Л. Е. Лестница Якова. Москва : Редакция Елены Шубиной, 2015. 736 с.

27. Цветаева М. И. Дом у Старого Пимена // Проза. Москва : Современник, 1989. С. 122-163.

28. Элатик А. А. Структурно-семантические особенности вводных и вставных конструкций в прозе Б. Акунина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-1. С. 173-183.

29. Янковская О. В. Вставные конструкции как средство реализации категории хронотопа // Веснік БДУ. Сер. 4. 2009. № 3. С. 68-71.

Reference List

1. Ageev M. Roman s kokainom = Novel with Cocaine // Roman s kokainom; Parshiviy narod. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. S. 3-186.

2. Aldanov M. A. Kljuch = The Key // Kljuch; Astrolog. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. S. 16-316.

3. Afanas'eva E. A. Struktura i funkcii vstavnykh konstrukcij v poezii N. M. Karamzina = Structure and Functions of Parenthetic Constructions in N. Karamzin's Poetry // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 11. S. 3-12.

4. Baljagina I. Ja. O svjazi vstavnykh konstrukcij s osnovnym vyskazyvaniem (na materiale romanov I. S. Turgeneva 1850-h gg.) = On the Link of Parenthetic Constructions to the Main Utterance (a Case Study of Novels by Ivan Turgenev of the 1850s) // Samarskij nauchnyj vestnik. 2015. № 1 (10). S. 34-38.

5. Belyj A. Kreshhenyj kitaec = A Baptized Chinese // Serebrjanyj golub'. Moskva : Sovremennik, 1990. S. 461-604.

6. Bunin I. A. Zhizn' Arsen'eva = The Life of Arseniev // Sovanie sochinenij v 4 t. T. 3. Moskva : Pravda, 1988. S. 265-536.

7. Vodolazkin E. G. Aviator = The Aviator. Moskva : Redakcija Eleny Shubinoj, 2016. 416 s.

8. Gavrilova E. I. Vstavka i linejnost' rechi = Parenthesis and Linearity of Speech // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. № 1. S. 104-109.

9. Zamjatin E. I. My = We: a novel // Izbrannye proizvedenija. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1990. S. 15-154.

10. Il'f I. A., Petrov E. P. Dvenadcat' stul'ev = The Twelve Chairs // Dvenadcat' stul'ev; Zolotoj telenok: Romany. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1992. S. 4-304.

11. Kal'nichenko Ju. O. Svoeobrazie funkcionirovanija mnogokomponentnyh slozhnyh vyskazyvanij s vstavnyimi konstrukcijami v povesti V. V. Nabokova «Drugie berega» = Functional Peculiarities of Complex

Utterances with Parenthetic Constructions in V. Nabokov's revised autobiography «Other Shores» // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 6-2 (36). S. 69-72.

12. KENZHEEV B. Obrezanie pasynkov = Obrezanie Pasynkov. Moskva: AST, 2010. 381 s.

13. Kuchmezova L. O. Vstavnye konstrukcii v aspekte gendernoj lingvistiki = Parenthetic Constructions in Terms of Gender Linguistics // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. 2011. № 2. Tom. 17. S. 175-179.

14. Mar'ina O. V. Vstavnye konstrukcii kak pokazatel' raschlenenija teksta (na materiale russkikh prozaicheskikh tekstov 1980-2000-h godov) = Parenthetic Constructions as an Indicator of Text Decomposition (a Case Study of the Russian Fiction of the 1980-2000s) // *Filologija i chelovek*. 2009. № 4. S. 61-67.

15. Mar'ina O. V. Vstavnye konstrukcii kak strukturnyj komponent zhanra menippej v tekste L. Petrushevskoj «Tri puteshestvija, ili vozmozhnost' Menippej» = Parenthetic Constructions as a Structural Component of the Menippean Satire in Lyudmila Petrushevskaya's «Three Travels, or a Possibility of Menippea» // *Novaja nauka: Problemy i perspektivy*. 2017. № 3. Tom 2. S. 114-116.

16. Mar'ina O. V. Mnogofunktional'nost' vstavnykh konstrukcij v russkikh hudozhestvennykh tekstah rubezha HH–HHI vekov = Multifunctionality of Parenthetic Constructions in the Texts of the Russian Fiction at the Turn of the 21st Century // *Filologo-kommunikativnye issledovaniya*. 2015. № 2. S. 247-255.

17. Matveeva A. A. Zavidnoe chuvstvo Very Steninoj = The Envidious Feeling of Vera Stenina. Moskva: AST, 2015. 544 s.

18. Nabokov V. V. Zashhita Luzhina = The Luzhin Defense // *Romany*. Moskva: Sovremennik, 1990. S. 103-256.

19. Nabokov V. V. Kamera obskura = Camera Obscura (Laughter in the Dark) // *Romany*. Moskva: Sovremennik, 1990. S. 257-392.

20. Nabokov V. V. Priglasenie na kazn' = Invitation to a Beheading // *Romany*. Moskva: Sovremennik, 1990. S. 393-524.

21. Osorgin M. A. Sivcev Vrazhek = Quiet Street // *Vremena*. Moskva: Sovremennik, 1989. S. 341-617.

22. Pil'njak B. A. Golyj god = The Naked Year // *Celaja zhizn'*. Minsk, 1988. S. 29-169.

23. Sahnovskij I. F. Muzhchina v cifrovom uvelichenii = Muzhchina v Tsyfrovom Uvelichenii (The Man in the Digital Zoom) // *Nelegal'nyj rasskaz o ljubvi*. Moskva: Astrel', 2009. S. 331-333.

24. Sahnovskij I. F. Svoboda po umolchaniyu = Svoboda po Umolchaniyu (Freedom Natively). Moskva: Redakcija Eleny Shubinoj, 2016. 352 s.

25. Solomatina T. Odesskij fokstrot, ili Chernyj kot s vertikal'nym vzletom = Odessky Fokstrot, ili Cherny Kot s Vertikalnym Vzletom (Odessa Foxtrot, or Black Cat with Vertical Take-off. Moskva): AST, 2013. 317 s.

26. Ulickaja L. E. Lestnica Jakova = Jacob's Ladder. Moskva: Redakcija Eleny Shubinoj, 2015. 736 s.

27. Cvetaeva M. I. Dom u Starogo Pimena = The House at Old Pimen // *Proza*. Moskva: Sovremennik, 1989. S. 122-163.

28. Jelatik A. A. Strukturno-semanticheskie osobennosti vvodnykh i vstavnykh konstrukcij v proze B. Akunina = Semantic and Structural Peculiarities of Introductory and Parenthetic Constructions in Boris Akunin's Prose // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 6-1. S. 173-183.

29. Jankovskaja O. V. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo realizacii kategorii hronotopa = Parenthetic Constructions as an Implementer of the Chronotopos Category // *Vesnik BDU. Ser. 4*. 2009. № 3. S. 68-71.